

© 2019 г.

Е.П. ТАВОКИН

ИСКУССТВЕННОСТЬ «ИСКУССТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ»

ТАВОКИН Евгений Петрович – доктор социологических наук, профессор, МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Россия (tavokin@mail.ru).

Аннотация. На примере опубликованной в журнале «Мониторинг общественного мнения» (2018, № 5) статьи А.В. Резаева и Н.Д. Трегубовой про «искусственную социальность» рассмотрены методологические ошибки, которые получили широкое распространение в работах по социологии и ведут к подмене научного анализа его имитацией. Показано, что авторы критикуемой статьи уклонились от определения ключевых категорий («искусственный интеллект» и «искусственная социальность»), из-за чего предметное содержание статьи фактически растворилось. Из-за исходной методологической ошибки исследование оказалось выполнено некорректно, полученные результаты демонстрируют банальность и неконструктивность. Автор критической рецензии доказывает на материалах истории техники, что «искусственная социальность» – мнимый социальный объект. Существуют реальные феномены влияния эволюции техники на социально-культурные стереотипы (например, уподобления общества кораблю или механизму), но они связаны с единственно возможной «естественной» социальностью. По мнению критика, рассмотренная статья репрезентативно иллюстрирует опасный процесс общего кризиса современной российской социологической науки.

Ключевые слова: искусственный интеллект • вычислительные машины • информационные технологии • научная методология • социология техники

DOI: 10.31857/S013216250005487-8

В последние годы в развитии отечественной социологической науки усилились негативные тенденции: размывание стратегических целевых ориентиров, радикальное снижение интереса к методологическим проблемам социологического знания, упадок методической и инструментальной культуры проводимых исследований, скудость аналитической рефлексии. В условиях слабости или даже отсутствия социального заказа, прямого и заинтересованного взаимодействия с органами власти и управления, с социальной практикой, социологи «разбрелись» по различным предметным нишам, слабо (или совсем не) связанным между собой. Масштабные междисциплинарные исследовательские проекты, которые выделяли отечественную социологию в прошлом, остались далеко позади. При этом мелкоотъем парадоксальным образом сочетается с притязаниями почти каждого автора на «открытие» нового социологического направления.

В одном из ведущих отечественных социологических журналов в прошлом году была опубликована статья [Резаев, Трегубова, 2018]. На частном примере этой статьи хотелось бы показать проявление общих негативных тенденций.

Мнимые проблемы «искусственного интеллекта». Статья начинается с сетований ее авторов на то, что «социологические учебники, энциклопедии и учебные программы либо не упоминают искусственный интеллект, либо обсуждают его поверхностно в связи

с другими сюжетами, не рассматривая внутреннюю логику, лежащую в основании технологий ИИ и особенностей их распространения в повседневной жизни» (с. 92)¹. Разъяснений, почему «искусственный интеллект» (далее – ИИ) должен быть предметом рассмотрения социологической литературы, А.В. Резаев и Н.Д. Трегубова не дают. Далее они приглашают к дискуссии о том, «каким образом социальные науки могут/должны изучать искусственный интеллект в связи с развитием “искусственной социальности”» (с. 92). Лукавство «приглашения» заключается в том, что в нем, как само собой разумеющееся (по умолчанию), предполагается неизбежность включения проблематики «искусственного интеллекта» в сферу интересов социальных наук, поскольку якобы развивается некая «искусственная социальность». Заинтересованный читатель может предположить, что все смысловые затруднения, скорее всего, снимаются в тексте. Однако этого читателя ждет разочарование.

Правила научной этики требуют от авторов публикаций тщательного разъяснения значений используемых дефиниций, тем более в тех случаях, когда эти дефиниции не имеют общепринятого смысла. Однако авторы данной статьи оригинальны. Они с самого начала объявляют, что вовсе не «стремятся внести вклад в обсуждение того, что такое искусственный интеллект» (с. 93) и что их вполне устраивают те общие определения, которые представлены в Оксфордском словаре и в Энциклопедии Британики. В них понятие ИИ трактуется двояко – как исследование особого вида производительности компьютера/машины и как сама производительность. Его определяющей особенностью является выполнение задач с имитацией поведения, которое обычно ассоциируется с человеческим (или животным) интеллектом (таких как визуальное восприятие, распознавание речи, принятие решений, перевод языков и т.д.). Весьма близкое по смыслу определение содержится и в отечественном энциклопедическом издании: «Искусственный интеллект – раздел информатики, включающий разработку методов моделирования и воспроизводства с помощью ЭВМ отдельных функций творчества человека, решение проблемы представления знаний в ЭВМ и построение баз знаний, создание экспертных систем, разработку так называемых интеллектуальных роботов» [Российский энциклопедический..., 2001: 595]. Легко видеть, что главный смысл и содержание феномена ИИ заключается в имитации (моделировании) некоторых проявлений естественного интеллекта и в разрешении связанных с этим проблем с помощью компьютерной техники.

Однако авторы, как отмечалось, самоустранились от рассмотрения и конкретизации собственного понимания чрезвычайно важного для раскрытия содержания статьи понятия «ИИ». Вместо этого они пускаются в рассуждения о «социальной природе ИИ», не раскрывая, что они под этим понимают. Авторы критикуемой статьи пишут о «развитии искусственной социальности» как об обыденном привычном природном явлении, которое и не требует специального толкования. Нежелание авторов конкретизировать смысл взятых «на вооружение» ключевых категорий ведет к тому, что, когда предмет рассмотрения не определен, создаются идеальные условия для рассуждений «обо всем и ни о чем».

Попытаемся разобраться в авторском тексте в надежде найти в нем рациональное содержательное зерно. Начнем, как советовал, например, Р. Мертон, с уточнения терминов.

«Искусственный интеллект» как фантазия и как реальность. Из контекста статьи следует, что под ИИ авторы понимают исключительно те разнообразные средства межличностной коммуникации, которые на основе использования компьютерных технологий и программных средств получили широкое распространение в последние 20–30 лет (Интернет, мобильные телефоны, различного рода гаджеты, оргтехника и т.п.). Однако, если исходить из данных выше определений, все это обилие и разнообразие «достижений технического прогресса» *никакого отношения* к феномену ИИ не имеет! Можно уверенно утверждать, что происхождение уточняющего прилагательного в авторской конструкции

¹ Здесь и далее в тексте даны ссылки на критикуемую публикацию. Поскольку статья А.В. Резаева и Н.Д. Трегубовой опубликована на английском языке, перевод выполнен автором данной критической рецензии.

«искусственная социальность» навеяно теми фантазиями, которые вызывают в обыденном сознании термин ИИ (а может быть, ИскИнами как персонажами фантастической литературы). Авторы, в частности, убеждены, что некая «сильная искусственная социальность» будет обязательно проявляться как «способность ИИ спонтанно и эмоционально взаимодействовать» (с. 94), а не менее загадочная «слабая искусственная социальность» для авторов – несомненный эмпирический факт. Он проявляется, по их мнению, как «участие ИИ в различных социальных взаимодействиях, и в настоящее время переживает период экспансии» (с. 94).

Как видим, несмотря на то что авторы формально отказались от рассмотрения смысла ИИ, само содержание публикации вынуждает их нарушать свой принцип: они постоянно сталкиваются с необходимостью что-то пояснять, уточнять и т. п., хотя и не очень внятно. Они, в частности, излагают собственную версию возникновения и развития ИИ и выделяют наиболее важные, по их мнению, «проблемы»: 1) проблематика ИИ преимущественно «разрабатывается в инженерных и компьютерных науках, и, в меньшей степени, – в философии и психологии» (с. 95); 2) слабая представленность проблематики ИИ в социологической литературе. Достаточно очевидно, что никакой проблемности в этих авторских утверждениях нет.

Итак, что же собой *на самом деле* представляет «искусственный интеллект» (ИИ)? В кратком изложении этот феномен выглядит следующим образом.

Термин ИИ появился лишь в 1956 г., хотя его идеология, принципы и соответствующие технические устройства были разработаны гораздо раньше. Возникновение и первые успехи ИИ породили (в особенности у непрофессиональной публики) множество восторгов, надежд, фантазий, страхов и иллюзий. Восхищаясь обещанными перспективами и возможностями ИИ, люди уже тогда, на стыке 1950–1960-х гг., реально опасались, что в ближайшей перспективе «искусственные интеллектуалы» потеснят и в конце концов смогут заменить их со всеми вытекающими последствиями.

Однако время шло, но никаких сколько-нибудь ощутимых достижений ИИ в повседневной жизни людей не наблюдалось. Страхи и экзальтированные восторги улеглись, а проблематика ИИ заняла свое «нормальное» место, – стала предметом профессиональной деятельности специалистов (главным образом инженерно-технического профиля) и писателей-фантастов. Наступило время трезвой научной рефлексии. Это выразилось в появлении уже в 1970-х гг. и позднее огромного количества литературы, в которой весьма критично оценивались гипотетические претензии «искусственного интеллекта» заменить и/или превзойти естественный [Бирюков, 1985; Горелов, 1987; Хазен, 1988; Andrew, 1983; Dreyfus, 1972; Weizenbaum, 1976].

Исходный постулат указанных авторов заключался в том, что функционирование компьютера происходит строго по законам *физического* мира и представляет собой реализацию тех алгоритмов, которые заложены в него программистом (автором программного обеспечения). Поэтому компьютер может воспроизвести все что угодно, но исключительно только то, что может быть исчерпывающим образом представлено на каком-либо формальном языке и в том формате, который удовлетворяет требованиям его элементной базы. Поскольку разум человека может порождать абстракции, никак не связанные с законами реального физического мира, то есть создавать самые фантастические абстрактные конструкции, недоступные для исчерпывающего представления формальными средствами, постольку никаких «мыслительных» процессов в компьютере воспроизвести невозможно по определению.

Естественная ограниченность «искусственного интеллекта». Человек проявляет свой интеллект и свою индивидуальность с помощью естественного языка. Поэтому, когда возникает желание создать модель человеческого разума, необходимо сначала ответить на вопрос, поддается ли (хотя бы принципиально) исчерпывающим образом с помощью формализации тот концептуальный базис, который лежит в основе лингвистического проявления мыслительных процессов и их лингвистического понимания. Кроме того, человек

как субъект *социального* мира в значительной степени детерминирован теми задачами, с которыми он сталкивается в этом мире. В свою очередь содержание этих задач определяется его уникальными интеллектуальными, биологическими, эмоциональными и иными особенностями. Таким образом, вырисовывается второй вопрос: «Способен ли другой живой организм или, тем более, вычислительная машина (компьютер) воспринимать исключительно человеческие проблемы в человеческих смыслах?» Очевидно, что ответ на оба вопроса категорически отрицательный.

Результатом развития ИИ на этом этапе были два принципиальных вывода. Во-первых, способность «интеллектуальных» технологий решать творческие задачи предопределяется главным образом объемом и качеством тех специальных знаний, которыми они располагают, и лишь во вторую очередь возможностями, универсальностью и разнообразием средств их преобразования и получения результатов. Важнейшей проблемой в области работ по ИИ стали считаться не разработки методов манипулирования и инструментального аппарата, а способы представления больших объемов знаний таким образом, чтобы обеспечивалась возможность эффективного доступа к ним и полноценное их использование. Во-вторых, была осознана роль, важность и природа знаний, которые необходимы квалифицированному эксперту (человеку, а не компьютеру!) для решения нестандартных задач, то есть – собственно для творчества.

Возникла, таким образом, проблема представления знаний средствами компьютерных технологий. Стало ясно, что реальные знания, которыми располагает человек (в особенности – квалифицированный эксперт), представить этими средствами невозможно. Во-первых, потому что они существуют (создаются и воспроизводятся) средствами естественного языка, то есть потенциально многозначными символами и образами. В то же время в «память» компьютеров информация записывается исключительно в формате жестко однозначных комбинаций нулей и единиц (битов), а ее «обработка» осуществляется строго по правилам (алгоритмам), которые также хранятся в компьютере и не допускают никаких отклонений, то есть реального творчества. Во-вторых, потому, что «обработка» информации в компьютере (ее копирование, перемещение и любые другие операции) происходит исключительно формально, при этом полностью игнорируется ее семантика. Человеческое мышление ориентировано именно на семантические аспекты информации и основано на интенциональном (то есть избирательном, направленном) и субъективном интерпретировании многозначных символов, какими и являются слова естественного языка. При этом огромную роль играет так называемое «фоновое знание», обусловленное особенностями культуры человека, уровнем его знания реального мира, далеко выходящего за рамки конкретных познаваемых его фрагментов.

Результаты последующей, более поздней, рефлексии относительно возможностей и социальных перспектив ИИ не только не противоречат выводам, сделанным предшественниками, но еще более удостоверяют их правильность (см., например, [Дороганов, Баумгартен, 2017; Карп, 2005; Петрунин и др., 2010]). Из них, в частности, следует, что сознание человека, в том числе и его искусственные аналоги, не может нормально функционировать без сопряжения (контакта) с нефизическим смысловым пространством, представляющим собой субъективную реальность, в которой отражается семантика *личностного социального* опыта. Поэтому даже самый технически изощренный ИИ в принципе никогда не сможет быть функционально тождественным с естественным интеллектом. Максимум, на что он может претендовать, – это воспроизведение некоторых достаточно рутинных его свойств.

Отсюда следует, что огромное количество функций, имеющих жизненно важное значение для существования современного общества (вычислительные операции, поиск, передача, преобразование и анализ информации, коммуникативные технологии, автоматизация, контроль и сопровождение различных процессов, проектирование и производство определенного вида изделий и т.д.), основанных на использовании разнообразных возможностей компьютерной техники, не дают никаких оснований наделять ее интеллектуальными способностями. Как и любые другие орудия физического и/или умственного

труда, выдающиеся и впечатляющие достижения компьютерной инфраструктуры тем не менее так и остаются в статусе *средств*. Средств, без всякого сомнения, специфических, радикально усиливающих возможности человека, открывающих перед ним такие возможности, о которых еще совсем недавно люди не могли и мечтать. При этом подавляющее большинство этих средств настолько эффективны, зачастую обладают такими уникальными эксплуатационными характеристиками, что уже трудно представить, как раньше обходились без них. И тем не менее ничто из перечисленного никак не оправдывает попыток поставить знак равенства между естественным разумом и его искусственными аналогами, свести, идя по пути «компьютерного редукционизма», многогранность, многомерность, неисчерпаемое разнообразие человеческого интеллекта лишь к тем немногочисленным его проявлениям, которые достаточно просто поддаются классификации и последующим формальным манипуляциям.

Возникает и еще одна опасность. Расширяющееся использование новейших компьютерных технологий в повседневной жизни, с одной стороны, усиливает могущество человека, его реальные и потенциальные возможности. Одновременно, с другой стороны, из-за деформаций системы образования может происходить (и уже происходит) снижение общего интеллектуального уровня людей. Поэтому далеко не ясно, насколько благотворно равнодействующая этих процессов может проявиться в будущем; не известно, насколько разумно и гуманно эти гигантские возможности могут быть использованы. Ведь современный человек в состоянии уничтожить все, и только он сам может себя спасти. И эта проблема уже приобретает вполне отчетливые *естественные*, а не «искусственные» очертания, и именно ее исследование должно войти в сферу приоритетных интересов социологии.

Кроме того, углубляясь в компьютерный виртуальный мир, возлагая чрезмерные надежды на способности ИИ, человек может утратить ощущение действительно существующей реальности, лишиться способности постигать и понимать реальный мир во всей его глубине, со всеми его особенностями и тайнами. Становится очевидным, что стратегическая задача социума – не в разработке все более сложных «интеллектуальных» машин, а в собственном совершенствовании: он должен сам преодолевать свои проблемы силой собственного *естественного* разума.

Таким образом, «искусственный интеллект» – это такая же метафора, как «информационное общество», «цифровизация» и т.п. Все эти феномены предполагают широкое внедрение в соответствующие сферы деятельности информационных технологий, основанных на использовании компьютерной техники и специализированных программных средств. Однако информация в социуме ценилась во все времена, начиная с древнейших, поэтому принципиально «информационным» общество было, есть и будет всегда. Менялись и будут меняться лишь средства и технологии получения, передачи и обработки информации.

Влияние технологических инноваций на социальную жизнь. В целом можно вполне определенно утверждать, что во все времена широкое внедрение эффективных технических средств в повседневную социальную практику имело своим результатом большее или меньшее изменение образа жизни и, соответственно, мировоззренческих установок каждого отдельного человека и социума в целом.

Например, появление корабля (самого сложного технического устройства древности) и развитие искусства кораблевождения радикально изменили коммуникативную практику и одновременно на основе соответствующей метафоры дали импульс развитию представлений о социальном управлении. Экстраполяция техники кораблевождения на социальную сферу, в частности, дала возможность Платону заложить основы первой общей теории управления – кибернетики. Был сделан гигантский шаг на пути самопознания социума, что, однако, никак не изменило статус самого корабля: несмотря на колоссальный технический прогресс, корабль как был, так и остался *средством* коммуникации, никакой «корабельной социальности» среди идей того времени не появилось.

Примерно с III в. до н.э. быт людей пополнился еще одной новинкой – гидравлической техникой, основанной на энергетике движущейся жидкости. Это привело к распространению

гидравлических представлений об устройстве социума и человеческого интеллекта. Однако, несмотря на широкое распространение соответствующих доктрин и длительность «гидравлической экспансии» (до конца XV в.), концепция «гидравлической социальности» оказалась не по силам мыслителям того времени, а гидравлическая техносфера до сего времени сохранила свой статус всего лишь *средства*, значительно облегчающего жизнь людей.

В XVI–XVIII вв. наступает господство механицизма (Р. Декарт, Т. Гоббс, Ж.О. Ламетри и др.): весь мир природы и общества объясняют законами механики, объявленными универсальными для всех видов движения материи. Разнообразные механизмы, работающие с помощью взаимодействия множества пружин, зубчатых и фрикционных передач, шестеренок и т.п., вошли в повседневный быт. Далее наступила эпоха электричества: появились электрические машины, телеграф, телефон и т.п. полезные вещи, которые радикально изменили образ жизни и представления людей об окружающем мире и о самих себе. Появились, конечно же, соответствующие метафорические теории об устройстве социума, человеческого интеллекта и т.п., но концепций «механической (или электрической) социальности» опять-таки не возникло, а механические и электрические устройства и технологии продолжали рассматриваться как *средства*, значительно расширяющие производительный потенциал человека, дающие возможность достигать ранее немислимые цели, выполнять уникальные виды работ, но не более того.

Характер и принципиальные основы технико-технологических механизмов и устройств, получивших широкое распространение в повседневной жизни людей, весьма существенно влияют как на саму эту жизнь, так и на формирование и развитие концепций устройства социума, его функционирования, способствуют лучшему, более глубокому постижению его сущности. Однако они не могут изменить природу социальности, этого важнейшего атрибута, присущего только и исключительно человеку.

Таким образом, тот «научный прорыв», который совершили авторы рецензируемой статьи, сконструировав термин «искусственная социальность» (именно термин, так как внятного определения обозначаемого им понятия в критикуемой статье нет), не имеет под собой ни малейших оснований. Никакой «искусственной социальности» нет в природе и не может быть в принципе: социальность может быть только *естественной*. Когда авторы повествуют о каком-то «развитии искусственной социальности», то это не более чем лукавая попытка выдать желаемое за действительное, а упомянутые (но не раскрытые) «особенности, характерные для текущего состояния исследований ИИ в целом и исследований “искусственной социальности” в частности» (с. 94) исчерпываются исключительно другими статьями этих же авторов и их (по-видимому) коллег.

«Открытия», которых не было. Из дальнейшего текста критикуемой статьи можно убедиться, что сами авторы не очень уверены в реальности своего «открытия». Например, в начале статьи они объявляют, что «целью данной работы является картирование и оценка социологических исследований по диффузии технологий ИИ в повседневную жизнь общества» (с. 93). Это означает, что авторы и не собираются изучать объявленную в заголовке, но никак ими не определенную «искусственную социальность». Вместо этого они предполагают сделать обзор и оценить (не обозначая, по каким критериям) социологические исследования, в предметную сферу которых каким-либо образом входят технологии ИИ в авторском (то есть весьма размытом) понимании.

Свое «исследование» авторы проводили в рамках XIX Всемирного социологического конгресса в Торонто в июле 2018 г., в котором приняло участие около 6500 ученых. Анализируя программу конгресса, авторы пришли к грустному выводу, что «интерес социологов к “искусственной социальности” рассеян и, вероятно, находится в процессе институционализации» (с. 96). По сути, это был приговор, означавший, что социологов, изучающих этот загадочный феномен, кроме самих себя, среди такого представительного и разнообразного научного сообщества им обнаружить не удалось.

Но это обстоятельство их не смутило. Обозначенная выше и без того урезанная цель исследования была еще более ограничена. Были сформулированы достаточно лапидарные

гипотезы, из которых следовало, что надо изучать лишь то, насколько исследования ИИ (в авторском понимании) связаны между собой, а исследователи интересуются работой друг друга. Кроме того, при определении поисковых реквизитов для отбора респондентов был неправомерно скорректирован инструмент формирования выборочной совокупности. Вместо методически правильного, «искусственная социальность», были выбраны не очень корректные – «искусственный» и «цифровой»: ведь совершенно очевидно, что оба слова могут не иметь ни малейшего отношения к социальности. И даже по этим слабым критериям из программы конгресса авторам удалось отобрать лишь 35 тезисов (0,53%), содержащих хотя бы одно из указанных слов (по принципу дизъюнкции). Но из этих 35-ти согласились принять участие в «исследовании» лишь 9 (0,14%) человек, из которых только 3 (0,04%) идентифицировали себя исключительно как социологи. На этом «исследование» можно было заканчивать: с такой «эмпирической базой» могут работать только отчаянные журналисты, да и то не все. Однако и это авторов не остановило: весь последующий текст их статьи является собой «мудрствования», представленные как анализ содержания проведенных 9-ти интервью. Можно ли серьезно воспринимать такую методику исследования?

Примечателен обильный список помещенных в конце текста «смелых» вопросов, которые, по мнению А.В. Резаева и Н.Д. Трегубовой, должны войти в актуальную предметную сферу социологии: «Как люди воспринимают ИИ?», «Что такое человеческие эмоции и каковы их аналоги в случае ИИ?», «Каковы сходства и различия в языковых показателях человеческого восприятия и ИИ?», «Как насчет использования языка и невербальных образов?» и т.п. (с. 105). Как содержание, так и форма вопросов однозначно свидетельствуют о том, что авторы абсолютно убеждены в возможности и даже существовании реального искусственного интеллекта и что они чувствуют себя дерзновенными первопроходцами в новой, неизведанной еще области знания. Однако если принять во внимание изложенное выше, то их чувства (несомненно, вполне искренние!) больше напоминают восторги провинциалов, примеряющих костюмы давно прошедшей моды. Убеждает в этом очень банальный вывод всего этого «исследования»: «исследования технологий ИИ в социальных науках развиваются, преимущественно, вне привычных дисциплинарных границ» (с. 104). В этом же русле видится и вполне традиционный, встречающийся практически во всех социологических публикациях, призыв основать очередное «новое» направление – «социологию человеческих взаимодействий». Как-то даже неловко информировать авторов о том, что изучением человеческих взаимодействий социология занимается со времен Огюста Конта, то есть с самого своего возникновения.

Рецензенту представляется, что, к большому сожалению, критикуемая статья – не единичный случай, а проявление общей тенденции. В современной России публикации, имитирующие исследовательский поиск, мимикрирующие под подлинную науку, существенно преобладают над теми работами, в которых излагаются материалы действительно кропотливого научного труда, а его результаты, пополняя теоретический багаж науки, имеют реальный выход на практику. Рассмотренная статья, к сожалению, иллюстрирует опасный процесс провинциализации российской социологической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бирюков В.В. Жар холодных чисел и пафос бесстрастной логики. М.: Знание, 1985.
Горелов И.Н. Разговор с компьютером: Психолингвистический аспект проблемы. М.: Наука, 1987.
Дороганов В.С., Баумгартэн М.Н. Возможные проблемы, возникающие при создании искусственного интеллекта // Информатика в философском и социальном аспектах. Кемерово: Издательство КузГТУ, 2017. С. 60–66.
Карр Н.Дж. Блеск и нищета информационных технологий: Почему ИТ не являются конкурентным преимуществом. М.: Секрет фирмы, 2005.
Петрунин Ю.Ю., Рязанов М.А., Савельев А.В. Философия искусственного интеллекта в концепциях нейронаук. М.: МАКС Пресс, 2010.

- Резаев А.В., Трегубова Н.Д. Готовы ли социологи к анализу «искусственной реальности»? Проблемы и перспективы исследований искусственного интеллекта в социальных науках // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 5. С. 91–108.
- Российский энциклопедический словарь: в 2 кн. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001.
- Хазен А.М. О возможном и невозможном в науке, или где границы моделирования интеллекта. М.: Наука, 1988.
- Andrew A.M. Artificial Intelligence. Tunbridge Wells, UK: Abacus Press, 1983.
- Dreyfus H.L. What Computers Can't Do. A Critique of Artificial Reason. New York: Harper and Row, 1972.
- Weizenbaum J. Computer Power and Human Reason. From Judgment to Calculation. San Francisco: Berkeley University Press, 1976.

Статья поступила: 27.02.19. Принята к публикации: 05.04.19.

ARTIFICIALITY OF THE «ARTIFICIAL SOCIALITY»

TAVOKIN E.P.

MIREA – Russian Technological University, Russia

Evgeniy P. TAVOKIN, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russia (tavokin@mail.ru).

Abstract. On the example of published in the journal Monitoring of Public Opinion (2018. № 5) articles by A.V. Rezaev and N.D. Tregubova about «artificial sociality» methodological errors are considered, which are widespread in the works on sociology and lead to the substitution of scientific analysis by its imitation. It is shown that the authors of the criticized article deviated from the definition of key categories («artificial intelligence» and «artificial sociality»), which is why the subject content of the article is actually dissolved. Due to the initial methodological error, the study was performed incorrectly, the results demonstrate banality and are non-constructive. The author of the critical review proves by the materials of the history of technology that «artificial sociality» is an imaginary social object. There are real phenomena of the influence of the evolution of technology on socio-cultural stereotypes (for example, likening society to a ship or mechanism), but they are associated with the only possible «natural» sociality. According to the critic, the article represents a dangerous process of the general crisis of modern Russian sociological science.

Keywords: artificial intelligence, computers, information technologies, social communications, sociology, science.

REFERENCES

- Andrew A.M. (1983) *Artificial Intelligence*. Tunbridge Wells, UK: Abacus Press.
- Biryukov V.V. (1985) *Heat of Cold Numbers and Pathos of Dispassionate Logic*. Moscow: Znanie. (In Russ.)
- Carr N.J. (2005) *Shine and Poverty of Information Technologies: Why Are Not It a Competitive Advantage*. Moscow: Sekret firmy. (In Russ.)
- Doroganov V.S., Baumgarten M.N. (2017) Possible Problems Arising from the Creation of Artificial Intelligence. In: *Computer Science in the Philosophical and Social Aspects*. Kemerovo: Izdatel'stvo KuzGTU: 60–66. (In Russ.)
- Dreyfus H.L. (1972) *What Computers Can't Do. A Critique of Artificial Reason*. New York: Harper and Row.
- Gorelov I.N. (1987) *Talking to a Computer: the Psycholinguistic Aspect of the Problem*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Hazen A.M. (1988) *About Possible and Impossible in Science, or Where the Boundaries of Intelligence Modeling Are*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
- Petrinin Yu.Yu., Ryazanov M.A., Savelyev A.V. (2010) *Philosophy of Artificial Intelligence in the Concepts of Neuroscience*. Moscow: MAX Press. (In Russ.)
- Rezaev A.V., Tregubova N.D. (2018) Are Sociologists Ready for 'Artificial Sociality'? Current Issues and Future Prospects for Studying Artificial Intelligence in the Social Sciences. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 5: 91–108.
- Russian Encyclopedic Dictionary*. (2001) Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsilopediya. (In Russ.)
- Weizenbaum J. (1976) *Computer Power and Human Reason. From Judgment to Calculation*. San Francisco: Berkeley University Press.

Received: 27.02.19. Accepted: 05.04.19.